

О. Б. Кох

Вопросы археографии на страницах «Русской старины»

Журнальные публикации исторических источников отражают состояние и динамику развития науки, являясь важным инструментом в распространении актуальной социальной ретроспективной информации¹. Их специфика, предопределенная слиянием подчас взаимоисключающих принципов и подходов к публикации материала, сложившихся в журналистике и археографии, зависит как от направления издания, так и от индивидуальных особенностей работы с текстом источника не только публикаторов, но и редакторов и издателей, их взглядов, опыта, уровня научных знаний. Поэтому только изучение конкретных журналов позволит достовернее представить процесс развития археографической мысли в русской исторической науке.

Предметом исследования настоящей статьи являются приемы и методы журнальной археографии на страницах «Русской старины» (1870–1918) в период редакторства М. И. Семевского². Пользуясь правом издателя, он на протяжении 22 лет единолично определял направление журнала, формировал программу и редакционный портфель в соответствии со своими убеждениями и научными представлениями³. Во всем объеме авторского текста, представленного на страницах «Русской старины», весьма солидную долю составляют редакционные примечания. При этом важно отметить, что кроме редактора в эту сферу никто не вторгался⁴. Примечания интересовали исследователей только через призму политической истории, в качестве вспомогательного справочного материала, не имеющего самостоятельного научного значения. В частности, по мнению В. И. Пороха, комментарий широко использовался как инструмент борьбы с цензурой, чтобы провести в печать материалы революционно-демократического содержания⁵. Полагаем, что редакционные примечания следует рассматривать и как форму научной деятельности Семевского, и как важный источник по истории журнальной археографии.

Материалы, представленные на страницах «Русской старины», – мемуары, эпистолярное наследие, исторические очерки, биографии Семевский считал «вполне историческим чтением» и причислял к более высокому уровню в отличие от «историко-романтических хроник и сказаний, повестей, романов, заключающих много фантазии», однако их он, в свою очередь, относил к разряду «небесполезного чтения» в системе исторического самообразования⁶. «Вполне историческое чтение», по его мнению, даже чтение мемуаров, требовало от читателей определенных усилий. Редакционные примечания в «Русской старине» помогали любителям истории преодолеть барьер отчужденности, вводя в курс дела. Воспитание собственного читателя – направление, которое выбирает Семевский, полагая воздействовать на интересы и уровень развития публики.

С этой целью публикации больших по объему материалов или важных по историческому значению (если речь идет о малых формах, например, письма, стихотворения и пр.) в «Русской старине», как правило, предпослано редакционное предисловие (в некоторых случаях делались и послесловия). Структура этих текстов имела относительно устойчивую форму и включала следующие блоки информации: 1) описание источника; 2) легенду; 3) биографические справки об авторе или герое; 4) разъяснение научных принципов издания исторического источника; 5) рассказ о методике подготовки текстов к печати; 6) описание критериев отбора материала для печати; 7) комментарии; 8) информацию; 9) обращения со страниц журнала по розысканию исторических материалов; 10) размышления редактора. Это структура своеобразного банка данных, из которого по мере необходимости и сообразно имеющейся информации об источнике Семевский компоновал примечания. Обязательности в освещении всех позиций не прослеживается. Как правило, предисловия к публикациям содержали тот минимум, который был необходим, что-

бы вызвать интерес читателя к представленному материалу. Классическими можно считать предисловия к мемуарам А. Т. Болотова, И. Позье, Г. И. Добрынина. Все они были опубликованы в первые годы издания журнала. К началу 1880-х гг. наблюдается тенденция сокращения научной части комментария и усиление дидактической: Семевский все чаще ограничивался только краткими справками и присовокуплял списки публикаций в «Русской старине» по освещаемому в источнике вопросу, эпохе, лицу.

Описание источника

«Внешняя сторона», как называл Семевский формальное описание источника, включала в себя характеристику бумаги, чернил, наблюдение над характером почерка и степенью грамотности автора; описание формата и числа страниц в рукописи; характеристику переплета и указание на наличие надписей и помет, причем те из них, которые располагались на титульном листе или переплете, как правило, приводились полностью⁷. Структура этой части примечаний была произвольной и варьировалась в зависимости от желания редактора. Формальное описание он иногда прерывал лирическими отступлениями. Так, например, в предисловии к запискам А. Т. Болотова в связи с характеристикой почерка заметил, что в рукописи нет помарок, поскольку она переписывалась набело. «И как переписывалась! – восклицал Семевский. – Никакой искусный каллиграф того времени не положил бы столько старания и труда при этом, какое употребил Болотов. ... Смело можно сказать, что в нашей литературе исторических записок XVIII в. нет другой такой рукописи, которая была бы так любопытна и с внешней своей стороны». Ярко эмоционально окрашенное отношение к источнику было характерной особенностью примечаний, написанных Семевским. Кроме того, читателям сообщалось:

1. О времени и истории создания рукописи; так, характерным и вместе с тем наиболее ярким является рассказ о написании мемуаров М. И. Глинкой, сделанный со слов его сестры Л. И. Шестаковой⁸.

2. О судьбе документа, где и у кого он хранился, когда и при каких обстоятельствах менял владельца.

3. Имя корреспондента и история поступления в редакцию журнала. В адрес корреспондентов Семевский щедро рассыпал благодарности. В некоторых случаях рассказы о поисках документов для печати содержали сюжетную интригу и были изложены в стиле приключений. Так построен рассказ о поисках рукописи мемуаров Г. И. Добрынина⁹.

4. Достаточно часто указывалось, имела ли редакция возможность сверить текст по подлиннику в момент подготовки рукописи к печати или насколько «исправен» тот список, с которого делался набор.

5. Если редакция работала с копией, то, как правило, указывалось местонахождение подлинника; так же Семевский поступал и в том случае, если подлинник ему предоставляли только для снятия копии.

Обязательной составляющей примечаний была информация о предшествующих публикациях документа и причинах переиздания его в «Русской старине». Поводом к такому решению могли послужить:

1. Недоступность предшествующих публикаций из-за малого тиража изданий или давности лет со времени первой публикации и превращении издания в раритет, недоступный широкой публике.

2. Фрагментарность публикации, искажения или пропуски и в целом низкий научный уровень. В доказательство своих слов Семевский, как правило, приводил результаты сопоставления, указывая число пропущенных строк, страниц и пр. Так, например, при публикации записок А. Т. Болотова насчитал 2549 пропущенных строк и представил доказательства, напечатав в два столбца текст рукописи и текст из «Отечественных записок» 1850 г.¹⁰ Важно отметить, что подобные сравнения Семевский производил не из желания вызвать изумление читателя. Ему была свойственна подобная педантичность. На полях «Записок» В. Давыдова (лондонское издание 1863 г. П. Долгорукова, экземпляр из личной библиотеки Семевского), в частности, третьей главы «О польских событиях 1830 года», многочисленные пометы, вставки, под-

О. Б. Кох

черкивания отдельных слов – следы сопоставления¹¹. Результаты этой кропотливой работы дали право Семевскому поместить в «Русской старине» следующее замечание: «Эта брошюра – весьма недобросовестная спекуляция: издатель откинул почти треть, при том, существенной части записок, в которой автор высказывает взгляд на польское дело, с точки зрения вполне русского человека; затем в дальнейших местах кн. Долгоруков повыбросил лишние слова, строки, даже целые страницы, сделал все от него зависящее, чтобы придать весьма любопытному и немаловажному историческому документу характер памфлета. Меж тем полный правды и жизни рассказ славного партизана в действительности не имеет этого характера»¹².

Разъяснение научных принципов издания

Осуждая других за искажения и пропуски, Семевский провозглашал принцип точности и полноты воспроизводимого текста, при этом особо обращал внимание на внесение в публикацию всех разночтений, если сохранилось несколько авторских копий; сохранение орфографии, языка, стиля и слога. Но практика издания нередко расходилась с декларацией принципов.

Редактор в каждом конкретном случае исходил не из научных принципов максимальной точности в передаче текста, но руководствовался соображениями целесообразности, полагая, что для нужд массового читателя подробности можно опустить, ибо они затрудняют понимание смысла. Так в «Записках» А. Т. Болотова, он отказался воспроизводить орфографию, поскольку в этом нет «никакой пользы для дела» и только «затруднит чтение»¹³, но по отношению текстов, вышедших из-под пера, например, Екатерины II или Лагарпа, полагал, что недопустимо поступать столь вольно¹⁴. В то же время сохранение стиля и слога в сочинениях, «особенно писанных своеобразным языком и проникнутых духом времени», считал одним из постулатов, на которых зиждутся правила издания «Русской старины»¹⁵. В частности, в послесловии к «Запискам» Г. И. Добрынина Семевский писал: «...во многих словах мы придерживались правописания подлинника. Как человек ост-

роумный, начитанный и по своему времени довольно образованный, Добрынин не писал зря; он, как видно из его же труда, – во все вдумывался, во всем старался дать себе отчет, и поэтому уклонения его от общепринятых грамматических правил составляют не незнание этих правил, а некоторую своеобразность причудливого писателя»¹⁶. Следовательно, орфография, язык, слог, стиль сохранялись, если эти особенности, по мнению редактора, были необходимы для характеристики личности писавшего, или подчеркивали своеобразие документа.

Это правило действовало и в отношении воспроизведения стенограмм устных воспоминаний – прием, к которому достаточно часто прибегал Семевский, понимая, что далеко не все современники готовы взяться за перо. В остальных случаях он произвольно отступал от правила идентичности воспроизведения текста.

Археографические нормы публикации исторического материала, принятые в журнале, распространялись также и на литературные. Сложность положения современного исследователя состоит в том, что строгой закономерности в подходах к решению этого вопроса у редактора не было, и потому необходима сплошная сверка текста с подлинником для выявления отступлений от провозглашенных правил.

Фактов пропусков и искажений текстов, появившихся на страницах журнала, достаточно¹⁷. Важно отметить, что эти различия в подходах были скрыты от публики, Семевский умело формировал у читателей иллюзию, что, если материал опубликован на страницах его журнала, то он точно воспроизводит подлинник, и если возникла необходимость сократить текст или внести в него какие-либо изменения, то об этом уведомят читателя в примечании к публикации. Среди причин сокращений указывались:

1. Позволительность и даже целесообразность опускать те части документа, которые не имеют общего интереса. Например, в «Записках» И. Позье по этим соображениям опущены подробности, не имеющие отношения к России; в воспоминаниях В. В. Верещагина – депеши, захваченные генералом Струковым и т. п. Случаи эти далеко не единичны, но их редактор всегда оговаривал.

2. Невозможность огласить некоторые факты по этическим соображениям. Примером могут служить записки М. И. Глинки¹⁸.

3. Сложности проведения документа через цензуру. Такова, например, причина пропуска в «Записках» князя М. М. Щербатова и В. Н. Каразина. Причем, Семевский всегда стремился показать читателю, что в этом нет его вины. Более того, такие искажения он считал для себя обидными. Обращаясь к читателю по поводу «Записок» М. М. Щербатова, он, в частности, писал: «Таковые искажения исторического документа нам тем прискорбнее, что „Русская старина“, посвященная преимущественно изданию материалов к новейшей отечественной истории, имеет твердую задачу относиться к делу с полнейшею правдою и беспристрастием. Нам казалось, что, печатая восторженные панегирики царственного Екатерины II сенатора Рунича, мы имеем право, в видах всестороннего исследования эпохи, напечатать целиком, единственно как исторический материал, и желчные строки сенатора князя Щербатова...» (многоочие М. И. Семевского. – О. К.)¹⁹.

4. Преднамеренное урезание текста источника самим редактором по причине возможных возражений цензуры. Подобные случаи в основном приходятся на 1880-е гг., когда Семевский теряет своего покровителя вел. кн. Константина Николаевича и ищет милости других влиятельных лиц, в частности, гр. Д. А. Толстого и вел. кн. Сергея Александровича, но воззрения последних далеки от либерализма, и поэтому Семевский, несмотря на провозглашенные принципы, прибегал к купюрам и часто только создавал видимость, чем в действительности сообщал о всех случаях вырезок текста читателям. Примером могут служить воспоминания гр. М. Н. Муравьева, где были вырезаны «резкие строки в отзывах его о государственных деятелях России»²⁰, или в сочинении Н. И. Греча о Ф. Булгарине – «голосовые выходы как против Булгарина, так и против поляков, на что довольно щедр составитель биографии»²¹. Заметим, что последний пример относится к 1871 г., началу издательской деятельности Семевского вообще очень остро переживал «польский вопрос», всегда находя причину не согласиться с мнением автора,

если тот резко высказывался в адрес поляков. Пожалуй, только в этом и проявлялась в нем «польская кровь» и еще в прекрасном знании польской истории, особенно нового времени. Все замечания опираются на доскональное знание дат, имен, событий.

Методика подготовки текста к печати

Разъяснять читателям приемы подготовки текста к печати Семевский считал необходимым. Как правило, отмечались:

1. Предварительная сверка с имеющимися списками, копиями, публикациями; установление разночтений, причин их возникновения и последующей фиксации их в примечаниях, если, по мнению редактора, они представляли научный интерес²². Он считал исключительно важным этот прием при публикации литературных материалов: фиксация разночтений давала возможность показать творческую лабораторию автора. У современников появление таких материалов часто вызывало протест. Известен спор И. А. Гончарова с М. И. Семевским по поводу публикации черновиков. Писатель отразил свою позицию в 1875 г. следующей записью: «Я обещаю почтеннейшему Михаилу Ивановичу сообщить ему когда-нибудь мои воззрения против оглашения (везде, между прочим, и в „Русской старине“) произведений автора, которых автор сам не назначал в печать». И далее: «Прах многих авторов возмущается, конечно, если только знает или чувствует то, что огласили после их смерти сокровенную черновую работу творчества»²³.

2. Сверка и исправление имен, дат и прочих неточностей, которые можно было устранить на уровне подготовительной работы в редакции²⁴. Наиболее ярко это отразилось в подстрочных примечаниях. Достаточно часто Семевский, учитывая важность материала или испытывая ответственность перед важным историческим лицом, перу которого принадлежал источник, заказывал экспертизу.

3. Структурирование документа. Для удобства читателей Семевский разделял рукописи, особенно больших по объему мемуаров, на части, обозначив их названия и расписав в анонсе содержание по собственному усмотрению – прием, ши-

О. Б. Кох

роко применявшийся в археографии второй половины XIX в.

4. Сокращение источника или изложение содержания в сжатом виде. Такой прием Семевский применил впервые в 1871 г. при публикации дела об убийстве любовницы графа Аракчеева Н. Шумской²⁵. Судебное дело, согласно порядку судопроизводства, содержало ряд повторяющихся фрагментов информации, излагавшихся в документах, возникших на разных этапах рассмотрения. Полная публикация отнимала чрезмерно большой листаж, сама форма канцелярского документа была мало приемлема для чтения. Семевский поручил А. Г. Пупареву²⁶ изложить фактографию в хронологическом порядке без комментариев и собственного отношения к фактам. В последующем Семевский прибегал к подобному приему при публикации подборок биографических материалов: биографическая справка составлялась на основании тех материалов, которыми располагала редакция, и иллюстрировалась фрагментами или полными текстами документов.

Приемы публикации текстов на иностранных языках в большей степени были предопределены условиями журнальной публикации, предназначенной для массового читателя. Семевский принял следующие правила: печатался русский перевод источника; оригинал публиковался либо в подстрочнике петитом, либо вообще не печатался. Только значимость исторической личности, например, масштаба Екатерины II, или особо оговоренные условия при передачи материалов в редакцию из частных архивов, были веским доводом для публикации оригинала на правах перевода, при этом перевод помещался прежде оригинала²⁷.

Такой подход не соответствовал принятым научным правилам публикации текстов на иностранных языках. Тексты печатались параллельно: оригинал и перевод располагали на одной странице столбцами или на развороте. И тем не менее Семевский осознанно отступает от этого правила, видимо, опираясь на собственный издательский опыт. В 1866 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» он опубликовал статью «Прогулка в Тригорское», содержащую материалы к биогра-

фиям А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, А. А. Дельвига, в частности, письма А. С. Пушкина к П. О. Осиповой-Вульф из личных архивов А. Н. Вульфа и Е. Б. Зубовой (урожденной баронессы Вревской)²⁸. Из уважения к гению поэта он не решился взять на себя ответственность за перевод и начал публикацию на языке оригинала – по-французски.

После первого же номера (публикация шла в шести номерах) в газету поступили жалобы от читателей поэта, не владевших французским языком. Семевский включил перевод, но такой прием был неприемлем для газеты: он занимал слишком много места. Публикация была закончена только в переводе. Семевский впервые столкнулся с проблемой различий в приемах научной публикации и предназначенной для широкой публики с целью популяризации и утвердился во мнении, что грамотному человеку достаточно перевода.

Приемы публикации материалов на иностранных языках наиболее ярко характеризуют тип издаваемого Семевским журнала для читателя, не владеющего данным языком, но вполне грамотного человека. Анализ педагогических воззрений Семевского показал, что он придерживался мнения о формировании школы по сословному принципу и в среде детей из купечества, мещанства, крестьянства считал нецелесообразным обучение языкам, в то же время ратовал за изучение истории в большем объеме, чем это практиковалось, считая, что именно этот предмет способствует формированию гражданской личности. Это как раз и был тот круг грамотных людей, т. е. выученных грамоте, на которых в числе прочих был ориентирован его журнал, преследующий цель развивать «самосознание русского народа». Журнал не создавался специально для данной читательской аудитории, но с помощью комментария, не нарушая основных принципов археографии, становился доступным широкому кругу читателей.

Критерии отбора материалов к печати

Немало внимания Семевский уделял обоснованию принципов отбора материалов к печати. Среди них были как научные, так и технические критерии. К последним

следует отнести: а) некачественная или недоступная для широкого читателя публикация (При этом всегда отмечалось, что если материал имеет особое значение как исторический источник, то целесообразна его повторная публикация на страницах именно «Русской старины» – журнала доступного широкой публике.); б) оптимальное соотношение исторической значимости источника и объема текста, предполагаемого к публикации. При высокой степени информативности источника объем рукописи не являлся для редакции препятствием, но публикация не включалась в листаж журнала, чтобы не нарушать принципы периодического издания. Это положение обосновано в предисловии к мемуарам А. Т. Болотова²⁹.

Научные критерии отбора к печати отражали взгляды редактора на документальные свидетельства прошлого. Он различал материалы «вполне исторические» и не имеющие исторического значения. Первые определялись значимостью исторического события или ролью личности в истории. Масштабы исторического события придавали особую значимость документальным свидетельствам о них. Из редакционного обращения 1873 г. следует, что в истории России Семевский выделял два краеугольных события – деяния Петра I и реформы Александра II: «Мы измеряем периоды развития России не цифрами лет, не годами, но теми событиями и явлениями в общественном строе, которые неминуемые последствия духа времени. Вся история нашего отечества делится на два главнейшие отдела: Русь до-Петровская, обнимающая восемь веков (862–1672), и Русь с Петра Великого. Двухвековую эпоху от рождения преобразователя России до нашего времени можно разделить, в свою очередь, на два периода. Пограничная черта, отделяющая старую Россию Петровскую от новой России, освобожденной от крепостных пут, России земской, это – 19-е февраля 1861 года, эра истинного возрождения России, открытие более широкого пути ее нравственному преуспеванию и промышленно-торговому развитию. ... 19 февраля – рубеж, отделяющий все старое от молодого, преобразованного и призванного к новой жизни»³⁰.

Степень важности события, как следует из приведенной цитаты, определялась теми последствиями, которые из него проистекали. Поэтому документы, фиксирующие событие, его последствия и восприятие в умах общества, в понимании Семевского, были «вполне историческими» источниками. Эти взгляды он неоднократно декларировал на страницах журнала. В качестве примера приведем рассуждение из примечания к «Запискам» И. И. Липранди: «Так называемое „Дело Петрашевского“ – независимо от вопроса, имело ли оно, по своей сущности, какое-либо значение – по времени своего возникновения и по глубокому следу, им оставленному в мероприятиях правительства с 1848 по 1855 год, имеет очень важное значение. „Мнение“ г. Липранди, по собственному его изъяснению, дало этому делу трагический исход, и, следовательно, было исходною точкою многих, весьма памятных распоряжений в области народного просвещения, относительно университетов, гимназий, так же военно-учебных заведений, по цензуре и т. д. Отсюда понятно, что „Мнение“ г. Липранди уже есть исторический документ, которого не обойдет будущий историк России...»³¹

Схема рассуждения аналогична предыдущему примеру: причина правительственных мероприятий – «Мнение» Липранди по делу Петрашевского – факт истории, поэтому сам документ – «вполне исторический», хотя и отражает позицию одного человека. Среди материалов личного происхождения, которые, главным образом, и печатал журнал, Семевский к числу полноценных исторических источников относил также и те, что происходили от исторических личностей и характеризовали их не только как общественных лиц, но и как личности. По поводу писем кн. Кутузова-Смоленского он писал: «...в этих безыскусственных, наскоро набросанных грамотках... заключается множество драгоценных подробностей вполне исторического содержания... В этих письмах мы видим кн. Кутузова, как он есть, вполне живым человеком и преисполняемся к нему, если это возможно, еще большим уважением»³².

К исторически значимым материалам Семевский относил и анекдоты, считая, что этот вид источника важен как

факт отражения события в умах современников и потомков³³.

Среди «вполне исторических» материалов Семевский выделял документы «примитивного значения», т. е. фиксирующие мелкие факты истории. В частности к таковым относил документы о холере 1831 г.³⁴

Опираясь на изложенные принципы оценки источников, редактор обосновал приоритеты отбора материалов для печати:

1) уточнение или исправление искажений исторических фактов, бытующих в литературе;

2) объективность и точность освещения фактов в источнике;

3) беспристрастность изложения материала (для материалов личного происхождения);

4) общественная значимость содержащейся в источнике информации.

В целом принятые подходы соответствовали распространенному во второй половине XIX в. пониманию задач исторического исследования, ставившего целью выявление и критическое изучение фактов прошлого и открытие закономерностей развития исторического процесса³⁵.

Исходя из этого Семевский определял место «Русской старины» в процессе исторического познания прошлого – низшая ступень – выявление и собирание качественных исторических источников. С точки зрения историка-позитивиста, фиксация исторического факта – первая и важнейшая ступень исторического знания.

При наличии равнозначных по значимости материалов редактор отдавал предпочтение тем, которые в большей степени соответствовали требованиям, предъявляемым литературным произведениям, – умению автора владеть слогом, наличию ярких характеристик современников, динамике повествования. Этот подход применялся к материалам личного происхождения, если автор не был великой личностью, поскольку появившиеся из-под его пера мемуары могли служить только для характеристики события, социальных нравов, типологических черт его поколения, сам автор являл собою только с точки зрения редактора типичную личность.

Семевский отдавал приоритет материалам отечественного происхождения. В этом проявилась его как научная, так и гражданская позиция. Основную цен-

ность русских источников он видел в правдивости: «Дневники и записки, веденные нашими соотечественниками, очевидцами и участниками событий, – надежнейшая порука за их правдивость в том, что писавшие даже не льстились надеждою – при своей жизни, по крайней мере, – видеть их в печати; писали в назидание своим детям и внукам»³⁶. Основной недостаток иностранных материалов он видел в искажениях, иногда умышленных, ошибках, непонимании бытовых и нравственных реалий России³⁷. Публикация подобных материалов требовала наличия научного комментария, что утяжеляло издание и затрудняло чтение. Признавая непригодными иностранные материалы для публикации в «Русской старине», он указывал на их важность как источника и предлагал со страниц своего журнала программу их научной публикации под названием «Библиотеки переводов иноземцев о России XVIII в.» на базе отдела «Rossica» Императорской Публичной библиотеки.

В изложении этой программы интересны приемы публикации. «Каждому переводу, сколь возможно точному и обстоятельному, – указывал Семевский, – должно быть предпосылаемо биографическое известие об авторе записок и библиография всех изданий, как подлинника его произведения, так и переводов онога на разные языки. Текст перевода должен сохранять (в скобках) собственные имена упоминаемых лиц и названий местности в том виде, как пишет их автор; но, разумеется, тут должен быть перевод зачастую искаженных фамилий и названий. Примечания должны быть кратки, ограничены крайнею необходимостью и, отнюдь не тянуться длинным абзацем, без пользы утолщая книгу... Наконец, перевод должен иметь обстоятельное оглавление и алфавитный указатель, хотя бы одних только личных имен»³⁸. Изложенных правил он старался придерживаться и при публикации иностранных источников на страницах «Русской старины».

Комментарий

Характерной чертой комментариев, составленных Семевским, было акцентирование внимания читателей на особенностях различных видов источников, степени достоверности содержащейся в них

информации³⁹. Часто редактор делал примечания по существу содержания, при этом имел ряд излюбленных тем: декабристы, польский вопрос, события 1762 г. и сопоставление с мемуарами А. Т. Болотова, что было свойственно особенно в первые годы после их публикации, он не упускал не малейшей возможности напомнить читателям об этих сюжетах⁴⁰. Нередко высказывал личное мнение по существу содержания источника. В ряде случаев комментарии для «Русской старины» составляли специалисты, среди которых значилось много его личных друзей и знакомых: Д. М. Хмыров, Н. П. Дуров, В. С. Иконников, П. А. Ефремов, И. А. Гончаров и др.

Инициативы редактора по обеспечению издания материалами

Семевский часто выступал инициатором написания мемуаров. Общеизвестно, что по его настоянию были составлены записки Т. П. Пассек, Н. В. Берга, П. А. Каратыгина, Н. Н. Мурзакевича. В действительности этот список значительно больше. Его можно пополнить именами Н. А. Корфа, Ф. Г. Солнцева, И. П. Пожалостина. Кроме того, по его инициативе были записаны воспоминания многих современников: А. М. Горчакова, М. Т. Лорис-Меликова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Г. Рубинштейна, И. К. Айвазовского и др. Редактор призывал писать мемуары абсолютно всех, не зависимо от ранга и сословий, поскольку «самый предмет их мы всегда ставили, – писал он, – выше лица, которым они писаны»⁴¹. В борьбе за публикацию воспоминаний современников основным критерием их значимости выдвигал не нужды истории, а задачи воспитательные. Осуждая практику закрытия на 50 лет пользования архивами частных лиц, в частности уже принятыми на хранение в учреждения, писал: «Полвека – да ведь это целая вечность!, а между тем, мемуары видных общественных деятелей, живших полною жизнью своего отечества, принимавших в его судьбах самый деятельный интерес, – в своих сказаниях могут сохранить данные не только интересные, но прямо полезные, назидательные, прямо пригодные к жизни не только их потомков, но и всего отечества, как назидание и пример для них. Как же

хоронить под спудом на 50 лет подобные мемуары»⁴².

Все инициативы в области полевой археографии Семевский придавал гласности со страниц своего журнала. Зная о существовании важного документа, он напрямую через журнал обращался к лицу, у которого мог находиться интересующий его материал. Кроме того, подобные обращения носили и общий характер – редактор внушал читателям, сколь важно сохранять письменные свидетельства современности и настойчиво проводил мысль, что текущие события – уже история⁴³, высказывал суждения о важности изучать современные события «со вполне исторической стороны», стремился формировать у читателей бережное отношение к свидетельствам прошлого и историческим памятникам отечества. Журнал регулярно в конце года печатал информацию, сколько поступило материалов от читателей, какое число их можно считать исторически значимыми⁴⁴. В 1883 г. Семевский отмечал, что с 1870 г. было прислано 4650 мемуаров, записок, целых архивов и отдельных документов⁴⁵. Неинтересными для печати была признана треть, остальные «вполне пригодны и интересны к помещению» на страницах журнала: из них половина уже была опубликована к 1883 г.

Информация

Редакционные примечания «Русской старины» часто содержали различного рода информацию: а) анонсы предполагаемых к печати материалов; б) отсылки читателей к материалам по освещаемой теме, опубликованным ранее на страницах журнала; в) сведения о корреспондентах, а также сообщения в стиле светской хроники. К области информации следует отнести и многократное повторение одних и тех же сообщений, с целью привлечь внимание читателей на придаваемый им гласности факт. Особо следует отметить вариант примечаний, ставивший целью оградить публикуемый материал от нападков цензуры. Основным приемом редактора было перенесение акцента научного интереса на «безопасные» проблемы, при этом указанные аспекты имели место, но в действительности не они определяли историческое значение источ-

О. Б. Кох

ника. Например, публикуя материалы из архива К. Ф. Рылеева, он характеризовал их как литературные, указывая, что исторический интерес они представляют только с точки зрения создания образов исторических персонажей; мемуары Т. П. Пассек – как характеристику черт быта и нравов московского общества⁴⁶.

Семевский не был беспристрастным археографом, считал возможным и необходимым высказывать свое отношение к публикуемому материалу. Многие примечания не лишены эмоциональной окраски. Кроме того, примечания содержат сведения автобиографического характера: он упоминал о своих путешествиях и поездках, знакомствах, книгах из личной библиотеки⁴⁷, мнения частного характера⁴⁸, рассказывал о научной деятельности, делая ссылки на свои сочинения⁴⁹.

Во второй половине XIX в. наблюдалось изменение правил издания исторических источников, сложившихся еще в 1830-е гг. в разработках Археографической комиссии. С 1860-х гг. в Комиссии шел непрерывающийся несколько десятилетий процесс разработки «правильной» эдиционной методики⁵⁰. К кругу исторических источников, подлежащих изданию на основании научных правил и приемов во второй половине XIX в., со всей определенностью относили летописи, грамоты и документы официального происхождения. Важным шагом в развитии эдиционной методики второй половины XIX в. было признание разных издательских приемов при издании повествовательных источников с учетом требований специалистов различных дисциплин – историков и филологов.

Семевский как член Археографической комиссии был свидетелем и непосредственным участником этой работы, и его взгляды на приемы публикации источников развивались в том же русле, в каком протекали тенденции эволюции эдиционной археографии в крупнейшем научном учреждении страны. Его увлечения дипломатикой были отражены в издании грамот XVII в., подаренных им Археографической комиссии, а также в издании по поручению комиссии «Списков иерархов и настоятелей монастырей российской церкви», составленных П. М. Строевым (СПб., 1877).

Следовательно, эдиционные приемы, принятые в «Русской старине», не

были случайны. Но разнородность публикуемого материала создавала внешний «разнобой» в приемах публикации. Можно выделить три направления археографических приемов издания, используемых в журнале, в отношении: а) официальных документов; б) материалов личного происхождения (мемуары, письма); в) литературных материалов. Важно заметить, что все виды письменных документов Семевский оценивал как полновесные именно исторические источники. Примечательно в этом плане его рассуждения о мемуарах М. И. Глинки: «Издавая теперь вполне „Записки“, ...мы надеемся оказать услугу не только любителям, специально занимающимся музыкой, для которых это значение неопределимо, но и вообще содействовать уяснению того любопытного периода нашей недавней истории, который характеризуется таким необычайным развитием у нас художественного творчества. Этическая критика сделала свое дело: она выяснила художественное значение не только наиболее крупных созданий той эпохи, но, можно сказать без преувеличения, каждого лирического стихотворения Пушкина, каждого романса Глинки. Теперь наступает очередь критики исторической. Но только, когда наша литература обогатится материалами вроде издаваемых теперь „Записок“ Глинки, для нас сделается возможным действительно историческое суждение об эпохе, которая произвела Пушкина, Глинку, Лермонтова, Гоголя, т. е. все, чем мы гордимся в области литературы и искусства»⁵¹.

По отношению к первому виду источников, документам, Семевский старался применять эдиционные требования в полной мере (точное воспроизведение текста). В набросках к мемуарам по поводу одного из столкновений с начальником Главного управления по делам печати он заметил: «Если бы это был документ, то я бы не поступился, а прошел бы все инстанции и старался бы его отстоять»⁵². Речь шла об издании мемуаров. Если документ не проходил цензуру, редактор не стремился искать консенсус за счет вырезок в тексте – снимал публикацию полностью. Тот же подход прослеживался и в отношении к литературным материалам: они охраня-

лись от цензуры так же, как и документ: важно было обнародовать все исправления, дополнения, варианты, черновики. Описывая архив К. Ф. Рылеева, он заметил: «Здесь в самом поэтическом хаосе, нередко с чудовищно-неразборчивыми помарками, небрежною рукою поэта набросаны – то цельная „Дума“, то отрывки из них, то отдельные строки и слова – варианты написанного, заметки, эпиграммы и прочие мелочи. Просматривая эти бумаги, видишь весь процесс работы даровитого писателя»⁵³. Литературные памятники Семевский издавал с особым вниманием к поправкам, воспроизведению зачеркнутых фраз и слов. Примером могут служить издание черновых материалов пятой главы «Евгения Онегина» и пьесы Н. А. Островского «Банкрот»⁵⁴.

Иначе он поступал с материалами личного происхождения. Здесь прослеживаются два приема. Когда автора уже не было в живых, Семевский относился к мемуарам как к документам, и, если вырезки искажали суть и дух мемуаров, он снимал публикацию. В частности, в связи с публикацией мемуаров А. М. Тургенева писал: «К сожалению, первые по времени и „обязательные“ читатели (цензоры. – О. К.) нашего издания в те четверо суток, когда книга еще неведома нашим подписчикам, находят рассказы А. М. Тургенева не вполне удобными к печати... Ну, за всем тем, нельзя – так нельзя, – подождем...»⁵⁵ Если автор был жив, Семевский, с согласия автора, вносил изменения в текст, таким образом используя подходы редактурной литературного журнала, когда для проведения статьи через цензуру текст сочинений иногда существенно перерабатывался. Допустим ли такой прием для исторического издания? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Даже в конце XX в. в археографии не сложилось определенного понимания в вопросе, что считать археографической публикацией в отношении материалов современности⁵⁶. Как правило, их не причисляли к научным изданиям и оценивали как текущие публикации. Но в таком случае, следует поставить вопрос, в какой мере «Русская старина» может быть отнесена к публицистическим или, в значительной мере, к политическим изданиям? По определе-

нию Е. М. Добрушина, «археографическая публикация» обязательно содержит в себе информацию о самом документе и о методах его публикации, в первую очередь таких составляющих как заголовок и легенда⁵⁷.

При создании современных мемуаров Семевский соблюдал указанные правила, достаточно сослаться на публикацию мемуаров Н. И. Пирогова, но именно этот вид источника подвергался наиболее жестокой редакторской правке. Но и здесь Семевский действовал в рамках существующей эдиционной культуры. Например, В. О. Ключевский считал, что «половина XVI в. не слишком глубокая старина в истории нашей письменности», поэтому нет оснований считать документы этой эпохи «археологической редкостью», но только в таковой «дорожат целостностью формы, потому что, разрушив эту форму, уничтожив в ней какую-нибудь подробность, уничтожат и самый исторический факт, представляемый редкостью»⁵⁸. Издавая материалы XVIII–XIX вв., Семевский был свободен от сохранения формы источника. Сокращения, структурирование, передача текста по современной орфографии делались не из-за небрежности. Подобное препарирование источника допускалось из соображений удобства пользования читателем, при этом использовались оба подхода, таковы были неизбежные условия журнальной публикации. Приведенные материалы показывают, что Семевский должен быть признан одним из тех, кто пытался перенести нормы археографических издательских правил для раритетов на повествовательные документы частного происхождения нового времени – XVIII–XIX вв. Учитывать это представляется необходимым для понимания объективной картины распространения знаний по археографии в русском обществе.

Несомненно, что редакционные примечания отражают научные, профессиональные и, в некоторых случаях, гражданские позиции Семевского в той мере, в какой он счел возможным и необходимым представить их читающей публике. Все, что он декларировал со страниц своего издания, не расходилось с его убеждениями, даже если примечания были сделаны из соображений

оградить публикуемый источник от цензурных вырезок, но и не исчерпывало их.

Круг вопросов, поднятых в редакционных примечаниях, позволяет признать, что в журнале присутствовали все составляющие научной публикации: редакционный заголовок, легенда, научно-справочный аппарат, хотя и не в полном объеме для каждой конкретной публикации, по форме и приемам адаптированный для восприятия околонульным социумом. Семевский часто отступал от провозглашенных им научных принципов, что, впрочем, оставалось скрытым от читателя. Поэтому «Русскую старину» можно считать своеобразным растиражированным учебником, который содержал знания по археографии, отражающие уровень науки своего времени, изложенные в доступной форме для широкой читающей публики.

Примечания

¹ О статусе журнальной археографии в системе наук и историографию вопроса см.: **Афиани В. Ю.** О журнальной археографии // Археографический ежегодник за 1988 год. – М., 1989. – С. 15-24.

² Первое время редактором формально числился В. Ар. Семевский.

³ Редактор-издатель журнала происходил из дворян Псковской губернии, сделал блестящую карьеру: тайный советник, помощник статс-секретаря Государственного совета; член Императорского Исторического общества и Археографической комиссии; в молодости – тайный корреспондент А. И. Герцена, с годами был склонен к просветительской деятельности: как гласный Санкт-Петербургской городской думы входил в училищную комиссию и лично курировал ряд народных училищ столицы. М. И. Семевский организовал журнал, когда ему было 33 года, уже сложившимся человеком.

⁴ Когда в 1885–1886 гг. Семевский находился на курорте Меррекуль и не принимал непосредственного участия в подготовке номеров в печать, на страницах журнала примечания отсутствовали.

⁵ **Порох В. И.** Офицер, историк, издатель: Все о М. И. Семевском. – Саратов, 1999. – С. 117, 127.

⁶ Рус. старина. – 1888. – Т. 59. – С. 694. Любопытно, что Семевский начал эти рассуждения со следующей фразы: «С 1880 г., при появлении новых органов периодической печати...» В 1880 г. стал издаваться «Ис-

торический вестник» С. Н. Шубинского, ориентированный на развлекательное историческое чтение. Семевский косвенно осуждал подобное направление журнала.

⁷ Например: «Записка эта написанная в лист, и заключает в себе 85 страниц, из которых, начиная с 69 до конца ее заняты выпискою подлежащих к делу законов; составлена она была для членов общего собрания Сената...». – Ред. прим. (Убийство любовницы графа Аракчеева Настасии Шумской // Рус. старина. – 1871. – Т. 4. – С. 263); «...состоит из двух переплетенных тетрадей в лист. Писаны записки крупным, четким, весьма своеобразным почерком Добрынина. Бумага синяя, но некоторые листы серые и видно, что эти последние явились взамен прежде написанных и уничтоженных самим автором...». – Ред. прим. (Истинное повествование или жизнь Гаврилы Добрынина, им самим писаная // Рус. старина. – 1871. – Т. 4. – С. 327); «Всех этих писем 83, переплетены они в одну книгу, в старинный кожаный переплет...»; «Подлинники, как замечено выше, переплетены в простой кожаный переплет; к сожалению, не в строгом хронологическом порядке. Пометы годов сделаны карандашом и едва ли ни А. И. Михайловским-Данилевским, просматривавшим эти письма...». – Ред. прим. (Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Письма к дочери Е. М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово // Рус. старина. – 1874. – Т. 10. – С. 337).

⁸ Например: «Писаны с 3 июня 1854 г. до конца марта 1855 г. по просьбе сестры Людмилы Ивановны Шестаковой, с которою Глинка жил тогда вместе. Каждый день, являясь к завтраку, М. Ив. прочитывал один лист, написанный им в то утро. Существуют в 2-х экземплярах – один собственноручный, второй – копия, оба у Шестаковой и подарены Императорской публичной библиотеке. Копия сверена самим Глинкой...». – Ред. прим. (Записки Михаила Ивановича Глинки, 1804–1854 // Рус. старина. – 1870. – Т. 1. – С. 381). Семевский высоко ценил роль Шестаковой в написании Глинкой мемуаров и в декабрьской книжке «Русской старины» за 1892 г. появился портрет ее с памятным знаком по случаю 500-го представления оперы «Жизнь за царя». Публикация была приурочена к 50-летию юбилею оперы «Руслан и Людмила» в память пожеланиям Семевского (Рус. старина. – 1892. – № 12. – С. 690).

⁹ Например: «Года два тому назад Иван Петрович Корнилов указал нам на значение и интерес записок Добрынина и посоветовал озаботиться их приобретением для

«Русской старины»... Мы поспешили разыскать рукопись записок, то была к величайшему сожалению копия, которую мы и приобрели от Л. Н. Антропова. Войдя, затем, в сношения с Алексеем Петровичем Стороженко, владельцем подлинника записок, мы узнали, что автограф „Повествования“ Добрынина ходит по рукам в Вильне; но где и у кого? – предоставлено было нам самим розыскать, причем в случае успеха – А. П. дал нам право пользоваться находкой. Долго наши поиски были безуспешны. Потеряв наконец надежду получить подлинник, мы нашлись вынужденными приступить к изданию „Истинного повествования“ – с копии и уже напечатали из нее без малого XXII §§... Между тем, поиски продолжались, и наконец при весьма обязательном посредстве П. А. Муханова и ныне покойной Екатерины Васильевны Потаповой, подлинная рукопись Добрынина поступила в распоряжение „Русской старины“». – Ред. прим. (Истинное повествование или жизнь Гаврилы Добрынина, им самим писаная // Рус. старина. – 1871. – Т. 4. – С. 372).

¹⁰ **Семевский М. И.** О записках Болотова // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков: Изд. «Рус. старины». – 1870. – Т. 1. – С. 3.

¹¹ ГМП.ИР. Ф. 14, ед. хр. 1729.

¹² Рус. старина. – 1872. – Т. 5. – С. 639.

¹³ **Семевский М. И.** О записках Болотова. С. X.

¹⁴ Екатерина II и Пугачевщина // Рус. старина. – 1875. – Т. 13. – С. 125. – Ред. прим.; Отчеты Лагарпа гр. Н. И. Салтыкову о воспитании в. кн. Александра и Константина Павловичей 1783 г. // Там же. – 1870. – Т. 1. – С. 35-40. – Ред. прим.

¹⁵ **Семевский М. И.** [О записках Гаврилы Добрынина] // Рус. старина. – 1871. – Т. 4. – С. 327.

¹⁶ Там же. – С. 377.

¹⁷ Например, сокращения без указания в тексте (отточие) были произведены: в дневнике В. К. Кюхельбекера (Дневник В. К. Кюхельбекера. – Л., 1929. – С. 17-18); в тексте записок Ю. В. Долгорукова (**Тарле Е. В.** Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. – М., 1945. – С. 43); в автобиографии Н. И. Костомарова в повествовании о его участии в Кирилло-Мефодиевском обществе; в записках Я. И. Соловьева и Д. И. Кипиани убраны острые высказывания и рассуждения о крестьянской реформе; из записок декабриста А. Беляева вычеркнут лист с рассуждениями о политическом устройстве России (**Симина Н. Г.** Исторические документы на страницах «Русской старины» в 70–80-х годах XIX в. // Исследования по отечественному ис-

точниковедению: сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. – М.; Л., 1964. – С. 202).

¹⁸ Например: «Издавая в свет записки человека почти современного нам, мы, естественно, не могли избежать некоторых пропусков; но уступая этой прискорбной необходимости, мы старались, во всяком случае, сделать их насколько возможно менее, и то в тех случаях, где Глинка касался интимных подробностей своих семейных отношений; в других же случаях ограничились тем, что не вписывали полных имен лиц, о которых говорится». «Здесь нами тоже сделан небольшой пропуск некоторых слишком интимных семейных подробностей (рассказ о разводе. – О. К.)». – Ред. прим. (Записки Михаила Ивановича Глинки, 1804–1854 // Рус. старина. – 1870. – Т. 1. – С. 291,314).

¹⁹ Рус. старина. – 1871. – Т. 3. – С. 673.

²⁰ Там же. – 1884. – Т. 42. – С. 44.

²¹ Там же. – 1871. – Т. 4. – С. 513.

²² Например: «подлинные письма де-Лира из России показывают, что записки герцога составляют лишь сравнительно краткий свод тех же фактов и известий, какие заключаются и в его письмах... кроме нескольких мелких неточностей, замеченных при сличении дневника с письмами, неточностей сделанных либо автором, либо переводчиком, – в записках де-Лира нет существенных ошибок или искажения исторической истины. В позднейшее время отыскался и рукописный текст записок герцога, с которых делал свой перевод Д. И. Языков (принадлежала К. Н. Бестужеву-Рюмину. – О. К.). Четырнадцать лет тому назад (в мае 1859 г.) по цензурованной рукописи Языкова, мы дополнили пропуски в печатном экземпляре его перевода, которые и представляем ныне как свидетельство тех операций, какими подвергался в старое время перевод сказаний иноземцев о России». – Ред. прим. (Сказания иноземцев о России XVIII в.: записки герцога де-Лира – записки леди Рондо // Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 80).

²³ Знакомые. Альбом М. И. Семевского – издателя-редактора исторического журнала «Русская старина», 1867–1888. – СПб., 1888. – С. 64.

²⁴ Например: «... нельзя не извинить составителям Записок их хронологических или других, сознательных или бессознательных, ошибок. Впрочем, в печатаемых нами мемуарах мы всегда исправляем помянутые неточности, либо сами, либо печатая указания и поправки, сообщаемые читателями». («Русская старина» в 1878 г. Двенадцать книг // Рус. старина. – 1878. – Т. 23. – С. 758).

²⁵ Например: «Из этой массы сведений, с неизбежным повторениями местами од-

О. Б. Кох

ного и того же... необходимо было составить насколько возможно полное и точное изложение дела об убийстве Шумской... Труд этот, по нашей просьбе, исполнен сотрудником „Русской старины“ Аркадием Гавриловичем Пупаревым. ... г. Пупарев в настоящем рассказе нигде не впал в изложение собственных или посторонних взглядов. Такой прием в передаче подробностей этого весьма характеристичного эпизода из эпохи всемогущего Аракчеева тем более необходим, что в нашей литературе существует несколько рассказов о том же событии, но таких, в которых истина совершенно заменена выдумками досужих авторов. ...Впервые является в печати без малейших отступлений от исторической истины, в той, впрочем, мере, в какой верен официальный источник». – Ред. прим. (Убийство любовницы Аракчеева Настасьи Шумской // Рус. старина. – 1871. – Т. 4. – С. 263-264).

²⁶ А. Г. Пупарев – секретарь Орловского статистического комитета, корреспондент «Русской старины». В 1870 г. представил редакции рассказ «Холерный месяц в Петербурге (июнь 1831 г.)» (напечатан в 1884 г. Т. 44. С. 416.), составленный по подлинным делам. Семевский заказал ему изложение дела об убийстве Н. Шумской.

²⁷ По желанию Ф. В. Каразина письмо В. Н. Каразина кн. А. Чарторыжскому было опубликовано на французском языке (Рус. старина. – 1871. – Т. 3. – С. 701).

²⁸ **Семевский М. И.** Прогулка в Тригорское: заметки и материалы для биографии Пушкина, Жуковского, Языкова и барона Дельвига // Санкт-Петербург. ведомости. – 1866. – № 139, 146, 157, 163, 168, 175.

²⁹ **Семевский М. И.** О записках Болотова. – С. 3.

³⁰ **Он же.** «Русская старина» в 1873 г.: От редакции // Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 1005.

³¹ Рус. старина. – 1872. – Т. 6. – С. 70.

³² **Семевский М. И.** По поводу писем князя Кутузова-Смоленского // Там же. – 1872. – Т. 5. – С. 781-782.

³³ Семевский подчеркивал, что важно «то впечатление, которое оно производит в различных слоях общества» (Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 1014).

³⁴ **Семевский М. И.** «Русская старина» в 1885 г. // Там же. – 1885. – Т. 48. – С. 736.

³⁵ **Лаппо-Данилевский А. С.** Лекции по русской истории, читанные в Императорском историко-филологическом институте 1891 – 1922. – СПб., б/г. – С. 4; **К[ареев] Н.** История // Энцикл. слов. / под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Т. 13а. – С. 505-507.

³⁶ **Семевский М. И.** «Русская старина» в 1873 г.: от редакции // Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 1004.

³⁷ С запалом фельетониста в цитированном выше обзоре Семевский писал: «Почти до конца XVIII столетия иностранцы смотрели на нас как на дикарей; на путешествие в Россию, как на подвиг, равносильный путешествию кругосветному. Незнакомые ни с природой, ни с языком, ни с нравами, ни с обычаями нашего отечества, и видя в ней страну вроде Китая или Японии, иностранцы-путешественники в своих записках нередко делали грубейшие ошибки, извращали факты (иногда и умышленно), лгали и клеветали – и, таким образом, распространяли между своими соотечественниками превратные понятия о России» (**Семевский М. И.** «Русская старина» в 1873 г.: от редакции // Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 1004).

³⁸ **Семевский М. И.** Сказания иноземцев о России XVIII в.: записки герцога де-Лира – записки леди Рондо // Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 50.

³⁹ Например: «К рассказу Дашковой надо относиться очень осторожно и отнюдь не принимать на веру все ее рассказы, как о себе самой, так и о тех лицах, с которыми ей приходилось встречаться в жизни. Просим не забывать, что „Русская старина“, помещая на своих страницах рассказы кн. Дашковой о ней самой и о ее времени, представляет их исключительно как материал, хотя весьма пригодный для истории XVIII в. и местами очень интересный, но только как материал, подлежащий строгой исторической критике исследователя той эпохи, которой принадлежит эта, во всяком случае, замечательная сподвижница великой Екатерины». – Ред. прим. (Княгиня Е. Р. Дашкова // Рус. старина. – 1874. – Т. 9. – С. 430). «Впервые является в печати без малейших отступлений от исторической истины, в той, впрочем, мере, в какой верен официальный источник». – Ред. прим. (Убийство любовницы Аракчеева Настасьи Шумской // Рус. старина. – 1871. – Т. 4. – С. 263-264).

⁴⁰ При публикации писем вел. кн. Константина Павловича из Варшавы сделал сноски ко всем фамилиям будущих декабристов: С. П. Трубецкого, А. П. Юшевского, их причастности к событиям 14 декабря 1825 г. (Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 375). Так он поступал всегда, когда в текстах встречались имена декабристов.

⁴¹ **Семевский М. И.** «Русская старина» в 1875 г. // Русская старина. – 1875. – Т. 14. – С. 762. – Ред. прим.

⁴² **Он же.** «Русская старина» в издании 1879 г. // Там же. – 1889. – Т. 64. – С. 851.

⁴³ Например: «Покорнейше просим семейство г. Дурново, буде сохранились у него неизвестные еще в печати письма А. С. Грибоедова, поделиться ими с читателями «Русской старины». – Ред. прим. (А. С. Грибоедов // Рус. старина. – 1874 – Т. 10. – С. 299); «Присоединяем к просьбе автора – нашу просьбу и обращаем ее в особенности к старожилам Невельского уезда, достопочтенным Е. О. Дуве и А. И. Карташеву: от своих родителей они могли слышать любопытные рассказы о Мехельсоне, которые и желательно было бы видеть на страницах нашего издания». – Ред. прим. (**Ореус И. И.** Иван Иванович Мехельсон // Рус. старина. – 1876. – Т. 15. – С. 206); «23 ноября 1881 г. Н. И. Пирогова не стало. Остались ли после него записки? Слух прошел, что остались... Если это так, если рукопись существует, то просим семью покойного, в особенности того, сына Николая Ивановича, который ныне состоит профессором в Новороссийском университете в Одессе, когда дойдут до них эти строки, – исполнить, конечно вполне священный, завет Н. И. Пирогова» (Рус. старина. 1882. – Т. 36. – С. 676); «Приглашаем участников минувшей войны представить на страницах „Русской старины“ свои воспоминания, рассказы, заметки, документы – словом все, что может послужить материалом к истории этой войны». – Ред. прим. («Русская старина» в 1877 г. // Рус. старина. – 1877. – Т. 20. – С. 721); «Для всех таковых сообщений (воспоминаний. – О. К.) мы с радостью открываем страницы нашего издания и надеемся, что наш призыв не будет гласом вопиющим в пустыне». – Ред. прим. (Великая княгиня Елена Павловна: Очерк к ее жизнеописанию // Рус. старина. – 1882. – Т. 33. – С. 783).

⁴⁴ Рус. старина. – 1883. – Т. 64. – С. 861.

⁴⁵ Там же. – Т. 40. – С. 754; 1884. – Т. 44. – С. 652; 1889. – Т. 64. – С. 850.

⁴⁶ Например: «Просматривая эти бумаги, видишь весь процесс работы даровитого писателя... Из этих произведений особенно замечательны „Думы“ Рылеева; помимо их литературного значения, они имеют для „Русской старины“ и исторический интерес: ряд крупнейших русско-исторических деятелей, каковы Владимир Святой, Марфа Посадница, Иван III... один за другим являются в произведениях Рылеева. Весьма любопытно при этом проследить, какую стороною государственной или общественной деятельности, и какими нравственными качествами – наиболее типичные представители разных эпох русской истории воздействовали на творческую

фантазию поэта». – Ред. прим. (Рылеев: Материалы для истории русской литературы // Рус. старина. – 1871. – Т. 3. – С...).

⁴⁷ Например, такого рода: «Еще в 1860 г., когда пишущий эти строки посетил Спасо-Ефимиев монастырь в Суздале...» (Рус. старина. – 1875. – Т. 12. – С. 819). Информацию об издании «Складчины» – сборнике русских писателей, изданного в пользу крестьян, пострадавших от неурожая в 1874 г., – сопроводил рассказом о себе, что он «был среди первых, кто присоединился к числу желающих содействовать изданию «Складчины», «сверх заявления об участии пожертвовал 100 р. на издание» (Рус. старина. – 1875. – Т. 12. – С. 2).

⁴⁸ Примером может служить следующее замечание: «Воронов был, как все помнят, плохим актером, но дельным режиссером»; или «А. П. Каратыгин грубо заблуждался, не находя достоинств в „Воеводе“. Если это произведение оказалось не вполне сценичным, то это не отнимает у него значения одной из самых замечательных историко-драматических хроник в русской литературе» (Рус. старина. – 1880. – Т. 27. – С. 658).

⁴⁹ Например: «В обширной монографии пишущего эти строки „Царица Прасковья“ (СПб., 1861) – личность эта обрисована возможно полно и всесторонне по подлинным, неизданным до того времени документам» (Рус. старина. – 1872. – Т. 6. – С. 563); или в примечании к статье о партизане А. Н. Сеславине: «старь наша о нем в „Отечественных записках“ 1860 г. внесла, хотя несколько новых данных в неизвестную еще историю в высшей степени своеобразной жизни героя» (Рус. старина. – 1873. – Т. 8. – С. 415).

⁵⁰ **Черков С. В.** Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. // Археографический ежегодник за 1985 г. – М., 1987. – С. 107 – 112.

⁵¹ Рус. старина. – 1870. – 2-е изд. – Т. 1. – С. 314-315.

⁵² РО ИРЛИ. Ф. 2746, д. 16. Л. 512 об. – 513.

⁵³ Рус. старина. – 1871. – Т. 3. – С. 64.

⁵⁴ Там же. – 1878. – Т. 23. – С. 217; 1891. – Т. 61. – С. 149-175.

⁵⁵ Там же. – 1889. – Т. 64. – С. 848.

⁵⁶ **Добрушин Е. М.** О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археографии // Археографический ежегодник за 1987 г. – М., 1988. – С. 96-97.

⁵⁷ Там же. – С. 99.

⁵⁸ **Ключевский В. О.** Ответы и отзывы. Третий сборник статей. – М., 1914. – Ст. 1315.